

В. А. ТРИФОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ СВЯЗЕЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема переднеазиатских связей майкопской культуры сохраняет свою актуальность как проблема определения роли переднеазиатского культурного компонента в сложении майкопской культуры в целом и на отдельных этапах ее развития. Решение этого вопроса предполагает определение направления связей, их характера, интенсивности и продолжительности.

Первоначально благодаря открытиям Н. И. Веселовского центральной оказалась проблема определения источников происхождения майкопского декоративно-прикладного искусства¹. Позднее с такими же целями был предпринят анализ группы типов бронзовых орудий². Одним из результатов этих исследований была высокая оценка значения переднеазиатского влияния на формирование майкопской культуры. В дальнейшем, однако, это направление получило достаточно одностороннее развитие, когда увлечение поиском отдельных аналогий привело к постепенному сведению многообразия проблемы связей к вопросу о датах

отдельных типов и комплексов³. В результате возникла совокупность сопоставлений, лишенная культурно-исторической ценности. Преодолевая эти трудности, исследователи пошли различными путями. Одни из них стремятся организовать материал прямо через реконструкцию предполагаемого конкретного сложного миграционного движения непосредственно с Ближнего Востока на Кавказ⁴. Другие справедливо считают, что реконструкции конкретных миграций должен предшествовать анализ культурно-исторической ситуации в целом. Такую более предпочтительную позицию занимает М. И. Андреева, которая, развивая взгляды М. И. Ростовцева, стремится выделить на Переднем Востоке единый культурный пласт, производным которого и являются передневосточные элементы майкопской культуры (художественный стиль, традиция керамического производства)⁵.

Основные черты этого перспективного подхода можно обобщить в особом методе анализа, ориентированном на выявление культурно-исторических зон, провинций, областей или «блоков культур» (по терминологии В. С. Бочкарева). Под последним подразумевается особое культурное явление, основной принцип возникновения которого можно выразить положением: культуры не возникают и не исчезают в одиночку. Это значит, что одновременно формируется несколько (группа, блок) культур, по-разному реализующих в своем развитии общие, глубинные для группы в целом традиции. Блок культур является необходимой средой, в которой культуры формируются и вне которой не могут существовать. Каждому блоку присущи особое направление, темп и ритм культурных процессов, что обеспечивает принципиальную синхронность возникновения и смены основных этапов развития культур одного блока. Блок культур характеризует территориальная целостность и высокая интенсивность внутриблоковых межкультурных связей, обеспечивающих свободную циркуляцию культурных стандартов. Как и культура, блок культур проходит в своем развитии период становления, расцвета и кризиса. Периоду становления соответствует культурная ситуация, отличающаяся нечеткостью (подвижностью) внутренних границ, широким распространением ограниченного количества типов при общей типологической неустойчивости, «открытостью» для внедрения генетически разнородных культурных элементов. Время расцвета — это период оформления отдельных культурных центров и, как результат, отчетливых внутренних границ. Резко возрастает количество устойчивых типов; на фоне локализации и сосуществования культур возникает межкультурная конкуренция за доминирующее влияние внутри блока. Кризисные явления наступают одновременно с утратой блоком внутреннего культурного разнообразия (унификация как результат культурного соперничества). Сокращается количество традиционных типов, внутренние связи слабеют, а сепаратные межблоковые усиливаются, на периферии блока возникают культурные гибриды, наконец, происходит коренная перестройка (культурная революция), когда элементы прежде единого блока распадаются, чтобы объединиться уже в новом качестве и сочетании. Складываются предпосылки для формирования новых культурных блоков. Следует подчеркнуть, что при выделении блоков решающим является анализ материала на уровне более общем, чем тип, и соответствующем частично таким понятиям, как стиль, традиция, направление развития. Соответственно возрастает роль внутриблоковых аналогий. Если общие посылки «блокового» подхода верны, то следует признать бесперспективным поиск истоков отдельно взятой культуры раньше, чем будет определен блок культур, в который она входит.

С этих позиций первоначально важно определить, является ли возникновение передневосточных элементов на Северный Кавказ изолированным явлением или это только часть территориально широкого культурного процесса. В настоящее время о раннем комплексе переднеазиатских элементов на Северном Кавказе можно судить не только по Майкопскому кургану. Более того, вполне вероятно, что он представляет

только финал развития так называемого «предмайкопского» энеолитического пласта, существование которого предполагал еще в 1962 г. А. А. Иессен⁶. Сейчас можно допустить⁷, что в круг этих памятников входят поселения Замок⁸, Свободное⁹, частично нижние слои Мешоко, возможно, Ясенова Поляна, Скала, Хаджох и аналогичные им¹⁰. Ряд таких общих для них элементов, как высококачественная лощеная серая и коричневая круглодонная (остродонная) посуда, следы применения медленного гончарного круга, редкий рельефный, прочерченный или вдавленный орнамент, каменные браслеты, часть которых, судя по количеству, размерам, форме, следам обожженности, вероятно, использовались как подставки под сосуды, антропоморфная и зооморфная пластика, характерный набор кремневого и каменного инвентаря, по-видимому, указывают на южное происхождение основных элементов этого культурного комплекса. Он не покажется изолированным, если рассматривать в более широкой системе аналогичных явлений. Так, в Закавказье к этому времени, вероятно, относится группа докуро-аракских позднеэнеолитических памятников. В Западной Грузии они представлены стоянками и поселениями типа Очажного грота Воронцовской пещеры, Самеле-кльде, Самерцхле-кльде, II слоя Сагварджиле, Дзудзуаны, II, III слоев Даркветского навеса, Тетри Мгвиме и др.¹¹ В южных районах — поселениями типа Сиони (Парехеби)¹² и, возможно, Абастумани (Канобили)¹³. В восточных областях Закавказья — группой поселений, занимающих хронологически промежуточное положение между шулавери-шомутепинской и куро-аракской культурами, — Цопи, Иланлы-тепе, верхних слоев Аликемек-тепеси, Техута¹⁴, Мишарчая, Лейла-тепеси¹⁵. При существующих различиях между этими памятниками для них характерно одновременное появление (как и на Северном Кавказе) высококачественной лощеной, или так называемой пачкающей, серого и коричневого цветов круглодонной, иногда с воронковидным горлом посуды, нередко со следами применения при изготовлении гончарного круга.

В свою очередь, Закавказье и Северный Кавказ этого времени являются только частью обширного ареала, охваченного сходными культурными процессами, в широком смысле послеубейдского времени. Центры этой культурной зоны, представленные памятниками, аналогичными Тепе Гавра XII—VIII¹⁶, вероятно, располагались в Северной Месопотамии, а область в целом включала Сиро-Киликию (Амук F), Восточную Анатолию (Тильки-тепе I, II, Хисарси IV, Тепечик, Дегерментепе III) и Северо-Западный Иран (Геой-тепе)¹⁷. В этот период здесь почти исчезает расписная посуда и преобладает лощеная круглодонная, подправленная на медленном гончарном кругу. Складывается впечатление, что эти явления отражают процесс формирования в этой области особого культурного блока, северной периферией которого и является северокавказский энеолит.

При таком подходе становится понятным, что сочетание в майкопском комплексе «амукской» керамики и предметов «месопотамского» додинастического искусства¹⁸ является прямым следствием формирования майкопской культуры как составной части переднеазиатского «гаврского» блока культур. Показательно, что погребение Майкопского кургана сохраняет целый ряд черт, характерных для собственно гаврского погребального обряда: скорченное на боку (руки перед лицом) положение погребенных, ориентированных, как и храмы, по линии северо-запад — юго-восток, присутствие в инвентаре керамики, в ряде случаев золотых ленточных диадем с розетками (Гавра ХА — VIIIВ, погребения 109, 110, 114)¹⁹ и богатых ожерелий, составленных во многом из аналогичных майкопским бус (золотые цилиндрические, «дутые») и каменных подвесок. Интересны находки в кладе из XII слоя Гавры прямо и наклонно каннелированных золотых бус²⁰. Возможны и более общие обрядовые и типологические сопоставления. Не исключено, например, что сочетание в майкопском комплексе золотых и серебряных бычков с металлически-

ми трубками (ритуальные стрелы?) отражает один из сюжетов (борьба с небесным быком?) древневосточного эпоса²¹. Следует также отметить цилиндрическую гагатовую печать, найденную в одном из близких Майкопскому кургану комплексе, с изображением оленя и орнаментом, выполненными в стиле, близком характерному для периода Джемдет-Наср²². В итоге можно допустить, что первоначальная связь северокавказского энеолита, и в частности майкопской культуры, с Передней Азией была прямой, тесной и поддерживалась блоком родственных культур. Следует подчеркнуть, что локальное многообразие внутри этого блокового единства, связанное с особенностями предшествующего развития, не позволяет говорить об одной культуре²³. Тем не менее Северный Кавказ в этот период можно рассматривать как северную периферию древневосточной цивилизации. Одновременно он оказался в роли прямого посредника между последней и степным энеолитом хвалынско-средне-стоговского облика²⁴.

Культурное единство Северного Кавказа и Передней Азии вряд ли было продолжительным. Вероятно, его нарушение следует связывать с формированием в Закавказье и — шире — в Передней Азии нового блока культур с характерной черной и красной лощеной керамикой (куро-аракская, кирбеткеракская и родственные им культуры). Широкой полосой от Каспия до Средиземноморья он «отрезал» майкопскую культуру от родственных ей северомесопотамских центров, изменил культурную ситуацию в Восточной Анатолии и Северо-Западном Иране. Несколько позднее, по-видимому, изоляция майкопской культуры от древневосточной ойкумены еще более усилилась в связи с достаточно быстрым распространением куро-аракских памятников в северные области Грузии, в зону центральнокавказских перевалов. На подобную реконструкцию культурного процесса как будто указывают, в частности, докуро-аракский характер сионигремской «пачкающей» керамики, сопоставимой с майкопской, с одной стороны, и совместное залегание на поселении Луговое позднемайкопской керамики с ранней куро-аракской, дидубе-кикетского облика — с другой²⁵. Процесс изоляции майкопской культуры начался, вероятно, в конце урукского — начале раннединастического времени (по месопотамской периодизации), в период, соответствующий Амуку Н (для Сиро-Киликии)²⁶. Предположительно в это же время майкопская культура испытала сильнейшее европейское влияние, приведшее к формированию новосвободненского типа памятников. В восточноевропейской степи в этот период доминируют ранние усатовские и кемибинские памятники, нижнемихайловские, поздние среднестоговские, константиновские, а к концу периода раннеямные. В новой исторической ситуации, сложившейся к северу и югу от ареала майкопской культуры, изменился и характер связей последней с Передней Азией.

На новосвободненском этапе развития в условиях возросшей социальной дифференциации общества основным стимулом для сохранения дальних переднеазиатских связей стали, вероятно, потребности «нового» вождества, интересы которого были избирательны и нацелены в основном на драгоценные, престижные и культовые предметы. Показательно, что погребальный обряд этого времени представляет сложное сочетание двух культурных традиций — европейской и древневосточной, причем в нерядовых погребениях наиболее дорогие, престижные и культовые типы инвентаря восходят к переднеазиатским прототипам, а традиционно европейским проявлением социального ранжирования является размах монументального строительства (мегалитические гробницы, насыпи курганов). В настоящее время в литературе достаточно хорошо показано, что основные типы украшений из драгоценных металлов (бусы, подвески, булавки), частично оружие (копья, отдельные типы топоров), орудия (долота), а также отдельные типы утвари (например, бронзовые зеркала), безусловно, переднеазиатского происхождения²⁷. Однако в большей степени роль переднеазиатского компонента в обряде новосвободненского времени проявляется через инвентарь, отражающий элемен-

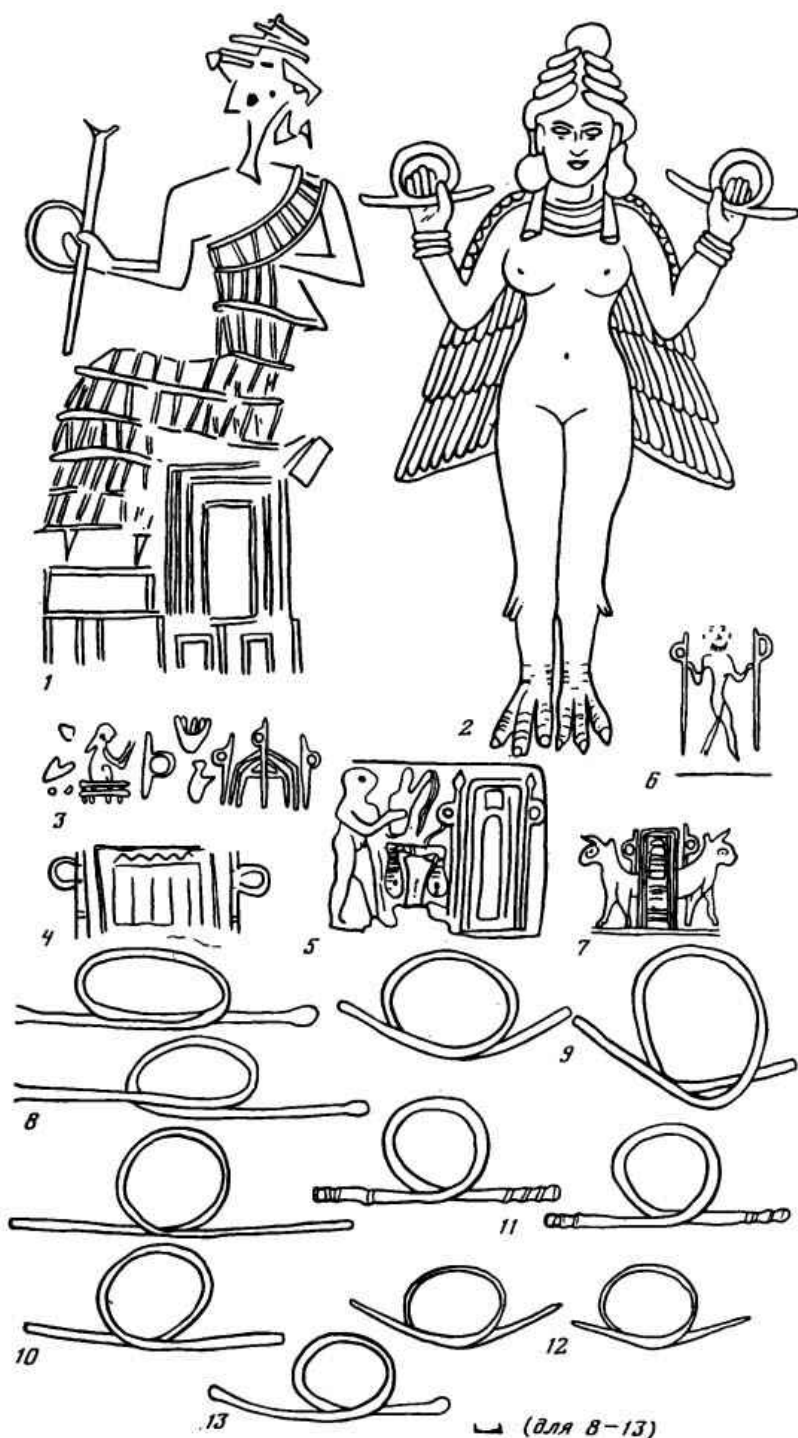


Рис. 1. Переднеазиатские культовые изображения и майкопские «псалии»

1, 3, 4—6, 7 — фрагменты изображения на печатах, по Д. Вайсману, П. Амье; 2 — фрагменты рельефа, по М. Т. Барреле; 8—13 — «псалии» из майкопских погребений, по Р. М. Мунчаеву, А. А. Иессену, Х. Х. Биджиеву, А. Д. Резепкину

ты древневосточной религии и мифологии. К числу таких предметов можно отнести, по-видимому, парные петлеобразные предметы, согнутые из бронзового прута, — так называемые псалии²⁸. Своеобразная форма этих предметов и их обязательная парность заставляют обратить внимание на широко распространенную в месопотамском искусстве группу изображений культовых символов в виде колец (полуколец) со стержнем (рис. 1). Ван Бурен, специально занимавшаяся классификацией древневосточной символики, выделяет несколько их типов²⁹. К их числу относятся парные привратные столбы, выставляемые перед храмами не-

которых верховных божеств (Ану, Иннана), и так называемые «символы справедливости», бывшие первоначально, вероятно, атрибутами Иннаны-Иштар, а позднее ставшие символом божественной силы и власти³⁰. Не отождествляя эти символы, отметим, что их иконографическая близость может быть естественным отражением тематического и сюжетного родства. Возникает подобная символика достаточно рано, еще в урукское время, и, частично видоизменяясь, продолжает существовать довольно долго благодаря преемственности в развитии религиозных представлений и мифологических сюжетов. В ряду месопотамских изображений отмеченных атрибутов особое внимание привлекает терракотовый рельеф, на котором представлено женское божество, держащее в руках пару «символов справедливости» (рис. 1, 2). М.-Т. Барреле, проследившая иконографическое развитие этого сюжета в течение III тысячелетия до н. э., вслед за Ван Бурен³¹ считает, что перед нами, судя по птицеподобным чертам фигуры и сопровождающим изображениям львов, богиня Иштар в одной из своих ипостасей, а именно в момент путешествия по стране Мертвых³². Г. Франкфорт, не отрицая правдоподобности такой интерпретации, одновременно допускает и возможность другой³³, предложенной Э. Кренлингом, который полагает, что на рельефе изображено демоническое существо Лилит — «Приносящая смерть»³⁴. Для нас в данном случае важно, что исследователи сходятся в главном — изображенное божество, безусловно, связано с загробным, потусторонним миром³⁵.

Таким образом, если между майкопскими «псалиями» и изображенными атрибутами существует содержательная связь, то использование первых в погребальном обряде получает определенное смысловое обоснование.

Возможно, другой древневосточный мифологический сюжет отражает обнаруженная в одной из новосвободненских гробниц пара собачек, отлитых из бронзы и серебра³⁶ (рис. 2, 1). В маленьких фигурках отчетливо передана разнородность животных и особенности их экстерьера³⁷. Сюжетной параллелью этой оригинальной паре могут служить изображения, появившиеся на месопотамских, сузианских и иранских печатях еще в убейдское время, известны они и позднее³⁸. В качестве наиболее полной аналогии следует указать на находки из дворца в Мари³⁹ (рис. 2, 4, 5, 6). Здесь на культовых керамических формах в парном сочетании изображены собаки, очень близкие по экстерьеру новосвободненским.

Менее определенно можно высказаться о другой находке из новосвободненских гробниц — бронзовом крюке с двумя мужскими фигурами⁴⁰. Кажется, что переднеазиатская линия их сопоставлений предпочтительнее европейской⁴¹. Фигурки на крюке, представляющие, по-видимому, не борцов, а адорантов, по типу и стилю одежды (длинная узкая юбка со свисающими концами пояса, обнаженный торс), позы (поднятые вверх руки) и некоторым деталям моделировки (крупные, выступающие носы) напоминают мужские фигуры, изображенные на ранних сузианских печатях или месопотамских рельефах⁴².

Среди новосвободненского инвентаря отметим еще комплексы с каменными шарами из полудрагоценных камней⁴³. Подобные им «игральные» наборы хорошо известны в Северной Месопотамии (Гавра XI)⁴⁴.

В итоге складывается впечатление, что на новосвободненском этапе переднеазиатские связи майкопской культуры сохранили прежнее направление, но утратили, несмотря на яркие проявления, первоначальную культурную глубину. Переднеазиатское наследие в это время осмысленно и глубоко осваивается генетически чуждым европейским компонентом культуры⁴⁵. Это наследие явилось реальной культурной, технологической базой, предпосылкой блестящего расцвета культуры на новосвободненском этапе, проявившегося не только в территориальном распространении, но и во влиянии на восточноевропейскую степь. Благодаря ее посреднической роли из Передней Азии в степь проникли важнейшие технологические (металлообработка) и технические изобретения, в частности, вероятно, повозка⁴⁶. Не исключено, что культурная миссия май-

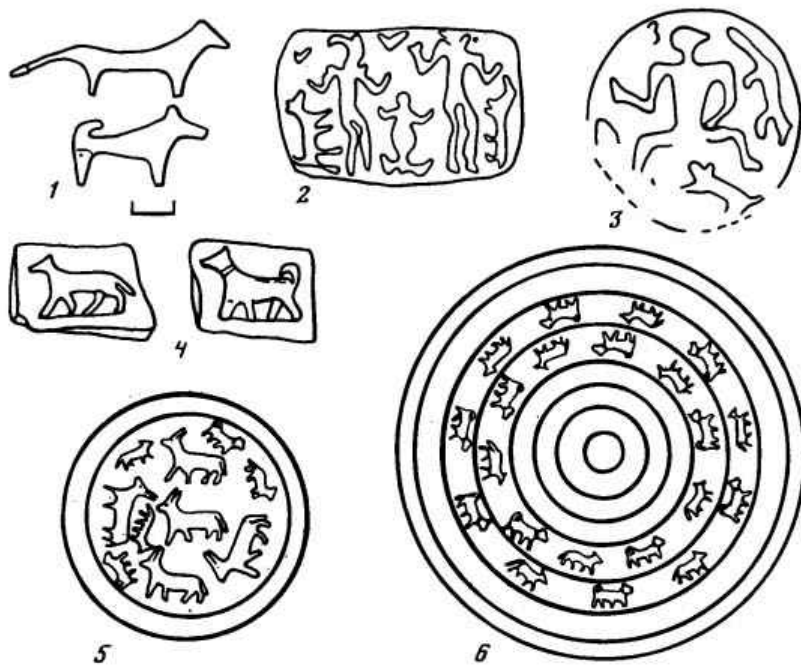


Рис. 2. Майкопские и переднеазиатские парные изображения собак

1 — бронзовая и серебряная фигурки собак из новосвободненской гробницы, по А. Д. Резепкину; 2, 3 — изображения на печатях, по П. Амье; 4, 5, 6 — изображения на культовых керамических формах, по А. Парро

копской культуры отразилась на распространении новых рослых пород крупного рогатого скота, может быть, новых сортов культивируемых растений. Вместе с тем, оказавшись оторванной от родственных блоков переднеазиатских и европейских культур, майкопская культура не дала в своем развитии отчетливых эволюционных ступеней и неожиданно быстро сошла с исторической арены. Исходя из южной и северной линии синхронизации, ее верхней границей можно считать середину III тысячелетия до н. э., а нижней — конец IV — рубеж IV—III тысячелетий до н. э.⁴⁷

¹ Фармаковский Б. В. Архаический период в России//МАР. 1914. N 34. С. 50—76; Rostovzev M. I. L'age de cuivre dans le Caucase et les civilisations et de l'Egypte protodynastique//RA. 1920. P. 1—37; Idem. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 17—34.
² Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе//ИГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 80—92; Он же. К хронологии «больших кубанских курганов»//СА. 1950. XII; Child G. The Maikop culture axes: Annals of archaeology and anthropology. Liverpool, 1936. Vol. XXIII.
³ Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. М., 1963. Вып. 34; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 133—157; Betancourt Ph. F. The Maikop cooper tools and their relations to Cretan Metallurgy//AJA. 1970. Vol. 74, N 4. P. 351—358; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 133—157. 390—408.
⁴ Сафронов В. А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источ-

никам//Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С. 63—104.

⁵ Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1. С. 39—56; Она же. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах//СА. 1979. № 1. С. 22—34.

⁶ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 76. С. 5. Текст доклада А. А. Иессена, прочитанного 31 марта 1962 г. в ЛОИА АН СССР.

⁷ На хронологическую близость перечисляемых памятников и одновременно их место в системе европейских энеолитических культур указывают, в частности, находки на п. Свободное керамики, аналогичной раннесреднеэгейской и «послемариупольской» (типа п. Раздорское, слой IV), костяных орнаментированных бус, близких бережковским (Бережковка II, 9/16), подвесок из кабаньих клыков, типа нальчикских; на п. Замок — так называемых роговых цурок, известных в трипольских (B₁) поселениях и раннесреднеэгейских погребениях; на п. Ясенова Поляна — обломка каменного зооморфного скипетра схематического типа. Судя по этим

- данным, «предмайкопский» пласт следует относить ко времени бытования хвалынской, раннепреднебговской и трипольской (триполье Б₁ — кукутени А₃) культур. В зависимости от хронологии последней он может быть датирован в пределах IV тысячелетия до н. э. См.: *Нехаев А. А.* Новое поселение майкопской культуры//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983. С. 16—32; *Он же.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 69—79; См. статью В. Я. Кияшко в этом же выпуске. КСИА; *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974. Рис. 12, 2, 3; *Рунич А. П.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска//СА. 1967. № 1. С. 228—233; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974. С. 96, 97.
- 8 *Рунич А. П.* Энеолитическое поселение... С. 228—233.
- 9 *Нехаев А. А.* Новое поселение... С. 16—32.
- 10 *Формозов А. А.* Каменный век... С. 64—73.
- 11 *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 38. Рис. 13; *Каладзе Н.* Многослойный археологический памятник Сагварджиле//ВАН ГССР. 1953. Т. 14. № 9; *Тушамбрамишвили Д. А.* Итоги работ археологической экспедиции в Квирильском ущелье в 1969 г.//Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971. С. 137—138; *Он же.* К итогам работ археологической экспедиции Квирильского ущелья//Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тбилиси, 1972. С. 74, 75; *Небиеридзе Л. Л.* Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978; *Каландадзе А., Каландадзе К.* Раскопки в Белой пещере//Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси, 1976. С. 7—10; *Они же.* Тетри Мгвиме//Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси, 1979. С. 8, 9. См. также отчеты К. Каландадзе и другие о работе Цхалтубской экспедиции за 1976—1980 гг., опубликованные в сборнике «Полевые археологические исследования» за соответствующие годы (Тбилиси, 1979—1982).
- 12 *Менабде М. Д., Кигурадзе Т. В.* Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси, 1981.
- 13 *Каландадзе К.* Остатки древнейшего поселения из Абастумани//Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974. С. 11, 12; *Пхакадзе Г. Г.* и др. Результаты работ Абастуманской экспедиции//Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси, 1982. С. 20, 21.
- 14 *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры восточного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1965.
- 15 *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: (эпоха энеолита VI—IV тысячелетий до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982.
- 16 *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. I; *Tobler A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. II; *Perkins A.* The relative chronology of Mesopotamia//Relative chronologies in old world archaeology. Chicago, 1954. P. 46; *Porada E.* The relative chronology of Mesopotamia//Chronologies in old world archaeology. Chicago, 1965. P. 145—149.
- 17 *Braidwood R. J., Braidwood L. S.* Excavations in the plain of Antioch: The earlier Assemblages. Phases A-J//OIP. 1960. Vol. LXI; *Jenny W.* Schamiramalti//PZ. 1928. Bd. XIX, N 3/4. S. 280—304; *Relly E. B.* Tilkitepe ilk Kazilar//TTAED. 1937. 1940. P. 145—178; *Ufuk Esin.* Zur Datierung der vorge-schichtlichen Schichten von Degirmentepe bei Malatya in der Ostlichen//Beitrag zur Alter tumskunde Kleinasien. Mainz, 1983. S. 175—190; *Формозов А. А.* Каменный век... С. 137—139; *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях... С. 39—56; *Она же.* Об изображениях... С. 22—34; *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего... С. 27—29.
- 18 *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях... С. 39—56.
- 19 *Tobler A.* Excavations... Pl. LVIII a, b.
- 20 *Ibid.* Pl. XCI, a.
- 21 См. статью М. И. Чернопицкого в этом же выпуске КСИА.
- 22 Приношу искреннюю благодарность А. А. Нехаеву, познакомившему меня с этой замечательной находкой. Среди стилистически близких ей укажу, например, на опубликованные Г. Франкфортом. См.: *Frankfort H.* Stratified cylinder seals from the Dryla region//OIP. 1955. Vol. LXXII. Pl. 4.
- 23 По-видимому, нет достаточных оснований все памятники Северо-Западного Кавказа этого времени, включая Западное Закавказье, Южную Грузию и целиком ареал майкопской культуры, объединять в одну западнокавказскую культуру. См.: *Небиеридзе А. Д.* Даркветский... С. 94—102; Предпочтительнее точка зрения тех исследователей, которые за хронологическим единством и типологической близостью видят культурную общность, а не одну культуру. См.: *Менабде М. В., Кигурадзе Т. В.* Археологические памятники...
- 24 Степные связи северокавказского энеолита, может быть, восходят к еще более раннему, мариупольскому времени. По крайней мере, в северокавказской степи известны материалы этого времени или традиции —прямоугольные пластины из кабаньих клыков, обнаруженные в Прикубанье (см.: *Гей А. Н.* Развитие представлений об энеолите—раннем бронзовом веке Западного Предкавказья в связи с новыми работами на новостройках Краснодарского края//Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: Тезисы научной практической конференции. Л., 1985); булава из Ставрополя (см.: *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. С. 51. Рис. 26, 5), подвеска из мергеля с двумя отверстиями из погребения у г. Грозно-

- го (см.: Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области//КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 132, 133), обнаруженный в подкурганном погребении у г. Моздока сосуд с маленьким плоским дном, сохранивший в пропорциях и форме черты посуды прикаспийской культуры (Благодарю Н. Гиджрати, любезно познакомившего меня с этим еще не опубликованным комплексом).
- ²⁵ Кавтарадзе Г. К. К хронологии эпохи неолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983. С. 59—81.
- ²⁶ Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations..
- ²⁷ Так называемые бронзовые диски. См.: Корневский С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии//СА. 1981. № 1. С. 277—280.
- ²⁸ В достаточно правдоподобной интерпретации этих предметов как псалиев (Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе// Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71—73), к сожалению, не хватает конкретных наблюдений. В настоящее время ни на Кавказе, ни на Древнем Востоке нет данных о столь раннем использовании лошадей для верховой езды или запрягании в колесницы. Упряжные быки в псалиях не нуждались, а для онагров применялся капзуг. Древнейшие достоверные псалии в европейской степи и Передней Азии относятся к первой половине II тысячелетия до н. э., они принадлежали лошадям, запряженным в колесницы. См. напр.: Littauer M. A., Crowell J. H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Köln: Leiden, 1979.
- ²⁹ Buren E. D. van. Symbols of the gods in Mesopotamia art//An. Or. 1945. Vol. XVII, N 23.
- ³⁰ *Idem.* Symbols...
- ³¹ *Idem.* A father note on the Terra-Cotta relief//AFO. 1936—1937. Bd. XI. S. 354—357.
- ³² Barrelet M.-T. A-propos d'une plaquette trouvée à Mari. Syria, 1952. Vol. XXIX. P. 285—293.
- ³³ Frankfort H. The Burney relief//AFO. 1938. Bd. XII, N 3. S. 128—135.
- ³⁴ BASOR. 1937. Vol. 67. P. 16—18.
- ³⁵ Frankfort H. The Burney relief... S. 134, 135.
- ³⁶ Раскопки А. Д. Резепкина, 1979, курган 31, погребение 5.
- ³⁷ Ермолова Н. М., Резепкин А. Д. Гробница III тысячелетия до н. э. в Прикубанье//Природа. 1981. № 7. С. 58, 59.
- ³⁸ Amiet P. La Glyptique Mesopotamienne archaïque. P., 1980. Pl. 6, 116, Pl. 7, 146, 147, 152. Pl. 114, 1516. Pl. 115, 1541.
- ³⁹ Parrot A. Le palais. Mission archeologique de Mari. P., 1959. Vol. II. P. 42—56. Fig. 34—36, 38, 39, 48.
- ⁴⁰ Попова Т. Б. Дольмены... Табл. III.
- ⁴¹ Там же. С. 25—27; Формозов А. А. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века//КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48—50. Рис. 10.
- ⁴² Amiet P. La Glyptique ... Pl. 6, 121, 122. Pl. 48 bis. С.
- ⁴³ Например, Попова Т. Б. Дольмены ... Табл. I.
- ⁴⁴ Tobler A. Excavations ... Pl. XCVI, a.
- ⁴⁵ См. статью А. Д. Резепкина в этом же выпуске КСИА.
- ⁴⁶ В северокавказской степи (Прикубанье) наиболее ранние повозки появляются в погребениях ранних этапов ямной и новотитаровской культур, частично синхронных новосвободненскому этапу майкопской культуры. Здесь же наблюдается наиболее высокая концентрация погребений с повозками (приблизительно каждое 10 погребение).
- ⁴⁷ Тезисы этой статьи были опубликованы в сборнике «Археология зарубежной Азии» (Л., 1985. С. 35—38).